

Андрей Неклюдов

Я – контрабандист

Андрей Неклюдов Я – контрабандист

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166651

Аннотация

«Контрабандист работает по страсти, по призванию», – писал в свое время Ф. М. Достоевский. Герой повести петербургского писателя Андрея Неклюдова «Я – контрабандист», молодой ученый, оказался вовлеченным в этот нелегальный промысел совсем не по призванию, а в силу жизненных обстоятельств, из отчаяния. Никогда прежде он не предположил бы, что очутится вдруг в экзотической Южной Корее с умопомрачительной (по его понятиям) суммой денег в карманах и будет, как прожженный коммерсант, закупать и прятать от таможи в трюмах судна громадные объемы контрабандных товаров. Никогда не предположил бы, что окажется на грани катастрофы, что ему и его компаньонам будет реально грозить уголовное наказание...

Автор исследует болезненное и печальное явление нашего времени – то, как борьба за выживание, погоня за добычей деформируют личность, ведут человека к профессиональной деградации.

«Повесть написана ярко, сочно, в ней множество юмористических сцен. Но по прочтении последней страницы вспоминается знаменитый пушкинский вздох: боже, как грустна наша Россия!»

(Елена Холшевникова «Просвещенные меценаты», СПб Ведомости, 25.02.1998)

Содержание

ЛИНИЯ СУДЬБЫ	4
Я – ГЕОЛОГ	5
БИЗНЕС	7
КОММЕРЦИЯ	10
«ИДИОТЫ»	12
ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ПРЕДСТОЯЩЕМ ДЕЛЕ	14
«ЧЕМПИОН»	17
РАБОЧИЙ ДЕНЬ	19
ТУРФИРМА	21
ФИНАНСОВЫЕ ОПЕРАЦИИ	23
ПОРТ	24
СШИБКА КОЗЕРОГОВ	26
ОТХОД	29
«УГОЛОВНИК» ЖУПИКОВ	31
ОКЕАН	32
ОКОРОЧКА	34
ПАССАЖИРЫ	35
ПУСАН	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Андрей Неклюдов Я – КОНТРАБАНДИСТ

*Посвящаю моему дяде
Леониду Владимировичу Ризину*

ЛИНИЯ СУДЬБЫ

Ту-154 медленно и неотвратно выкатывается на взлетную полосу. Ясно обозначаются в темноте два ряда огней, уходящие далеко вперед, словно линия судьбы. Сквозь иллюминатор я вижу ясную круглую луну, с холодным равнодушием ожидающую предстоящее действие.

Сколько раз я вот так же сидел в самолете, нацеленном в ту или иную точку страны, но никогда не находился я в таком состоянии, как сейчас: состоянии человека, скользящего вниз по ледяной горе и уже не способного затормозить.

Самолет замирает и наполняется гулом. Он напоминает мне зверя, шумно дышащего, подрагивающего, готовящегося к чудовищному броску в девять тысяч километров (расстояние от Пулково до Владивостока)...

Мне было лет четырнадцать, когда моя старшая сестра не то в шутку, не то всерьез взялась расшифровывать замысловатые паутинки линий на моей доверительно раскрытой перед ней ладони. Итак, жизнь будет долгой, обдавая ладонь своим теплым дыханием, сообщила сестра, здоровье также не должно подкачать, а вот линия судьбы... В линии судьбы она углядела некий разрыв (зигзаг, скачок в сторону или что-то в этом духе).

Почему я об этом вдруг вспомнил? Ведь я не очень-то поверил тогда, а тем более не верю сейчас в подобные вещи. Сестра же, оказывается, и вовсе не запечатлела в памяти тот эпизод и уверяет даже, что гадать по руке она никогда не умела.

Но разрыв произошел...

Гул реактивных двигателей достиг самой высокой и напряженной ноты. Незримая сила прижала меня к спинке кресла, за стеклом понеслись огни, побежала темная земля, все быстрее, быстрее... Неуловимое мгновение – и они уже далеко внизу. Далеко, как далека для меня сейчас вся прежняя жизнь, институт, геология...

Я – ГЕОЛОГ

Объяснение в любви

Наверное, я фанатик.

Помню, как еще мальчишкой на уроках географии я впадал в мечтательный дурман, оцепенело уставясь на какую-нибудь картинку с изображением безвестного озера, отражающего горную гряду, или заснеженной, предрассветной, щемительно синей тундры. И вот уже на поверхности озера появлялось и мое отражение, а на нетронутой снежной целине тундры – мой глубокий след (а в моем дневнике – очередное замечание о невнимательности на уроке).

А с каким благоговением извлекал я из черного бумажного пакета присланные дядей Сеней, маминым братом, геологом, фотографии. Они и по сей день стоят у меня перед глазами: белесые палатки на темном фоне хвойных дебрей; резиновая лодка, груженная ящиками и людьми, несущаяся по всклокоченной реке; вытаращенные глаза и не вместившиеся в рамки кадра рога выючного оленя; карабин на плече моего дяди и большие сибирские лайки, с таким же обожанием глядящие на бородатых мужественных людей, с каким смотрел на них я.

В свою первую поездку в тайгу я, девятиклассник, зачисленный на лето маршрутным рабочим в настоящую геологическую партию (спасибо дяде!), дублировал отбираемые геологом образцы и привез домой, к ужасу родителей, два рюкзака камней, уплатив за авиабагаж почти треть своего заработка.

Или помню, как целый год, уже будучи сотрудником научно-исследовательского института, я просиживал с утра до вечера над микроскопом, и в конце дня мне во всем – в рисунке облаков, в струях сумеречной Невы – мерещились структуры изучаемых пород.

И уж совсем странной показалась бы кому-то наша первая встреча с Катей. Казалось бы, все настраивало тогда на лирический лад: негаснущий закат, акварельная легкость города, шершавость гранита под ладонью и рядом девушка, полная такого же мягкого очарования, какое заключал в себе ровный, чуть туманный свет, разлитый повсюду. Так о чем же я вел с ней беседу? О белых ночах, о возвышенных чувствах, о поэзии? Нет – о рудоносных осадочных бассейнах.

– Представь себе, – говорил я, – что на месте нынешнего Енисейского кряжа миллиард лет назад плескался древний морской бассейн.

– Ты фантазер, – улыбалась она.

– Да нет же! Это известные вещи: где когда-то было море, возникают горы, а позднее – равнина. Об этом столько написано!.. Я лишь попытался восстановить, каким был тот бассейн – его строение, глубину и процессы, что в нем протекали. У меня получилось, что он представлял собой прибрежное шельфовое море, отделенное от океана гигантским подводным хребтом. И на границе между этим морем и этим хребтом...

Я понимал, что с женщинами о работе не говорят, однако остановиться не мог. Я разводил руки в стороны, подобно рыбакам, передавая протяженность подводного хребта, рокотал, озвучивая воображаемое излияние раскаленных магм. (Очевидно, для меня в этом и заключалась поэзия.)

– И вот что интересно! – с жаром восклицал я. – Месторождения золота на Енисейском кряже располагаются цепочкой и как раз попадают на эту древнюю границу!

– Значит, это твое открытие? – с любопытством взглянула на меня девушка.

– Ну, не то что бы открытие... Хотя на Енисейском кряже таких исследований еще никто не проводил.

– Ты не обижайся, я в геологии ничего не смыслю, – молвила она. – Все это, наверное, очень увлекательно, но скажи: какая-то польза от этого открытия есть?

С удвоенной энергией я принялся разьяснять, как можно находить следы таких древних границ на поверхности земли; упомянул и о двух намеченных мною перспективных золотоносных зонах.

– Вот мы и пришли, – проговорила в эту минуту Катя. Мы стояли у подъезда дома.

Я ощутил неловкость.

– Заморочил я тебя своей геологией.

– Но в конце концов ты найдешь золото? – ободряюще спросила девушка.

Я скромно покачал головой:

– Не я. Другие. Но, возможно, с помощью этой моей модели.

– И много золота?

– Пока еще рано говорить... – замялся я.

– Ну а все-таки? Примерно.

– Многие сотни тонн, – определил я не без тайной гордости.

– И ты владелец таких сокровищ?! – шутливо воскликнула Катя. – Честно говоря, – призналась она напоследок, – из всего, что ты мне сегодня рассказывал, я почти ничего не поняла. Но я поняла для себя одно: ты очень любишь свою профессию. Мне кажется, для мужчины это очень важно – любить свое дело.

Вот так я признался в любви. Сперва – к своей профессии, а немного позднее – и к моей милой слушательнице.

...Катя. Как она сейчас? Одна с дочкой. Каково ей?

Щелчок. Мой сосед отстегнул ремень кресла. Мы набрали высоту. В овале иллюминатора – густо-синяя холодная люминесцирующая ночь. И это не сон, я в самом деле лечу на Дальний Восток.

Хотел бы я уяснить, как это все же произошло, что заставило меня совершить этот скачок. Звонок Олега? Экономический хаос в стране? Неоплачиваемый отпуск и безденежье? Или все это разом?

Но первой ласточкой, пожалуй, был Игорь.

БИЗНЕС

Мы прожили вместе пять лет, в одной комнате студенческого общежития – Игорь, Олег и я.

Игорь сочетал в себе общественного деятеля (он был комсоргом курса) и своего в доску парня. Днем, в официальной обстановке, он рассказывал нам о семнадцатом съезде комсомола, а по вечерам в нашей комнате пел под гитару, тискал девчонок и разливал по стаканам портвейн. Но случалось, что-то у него не срабатывало, и в самый разгар пирушки наш комсорг внезапно расправлял плечи, окидывал всех строгим взглядом и принимался читать лекцию о том, какие огромные деньги затратило государство на наше обучение и, соответственно, как хорошо должны мы учиться и посещать занятия, чтобы в будущем окупить «вложенные в нас» средства. Обыкновенно после такой пламенной речи, словно выполнив свой долг, он валился на кровать и мертвецки засыпал.

После окончания университета мы виделись редко. Я знал, что Игорь работает в питерской геологической организации, ведущей разведку слюды на Кольском полуострове. Однако вскоре через общих знакомых до меня стали доходить слухи, будто он бросил геологию и занялся предпринимательством. Я, разумеется, не мог в это поверить. Чтобы Игорь, наш комсорг, больше всех говоривший о ценности нашей профессии, первым расстался с ней?!

Но когда он, все такой же подтянутый и вместе с тем благодушный, появился у меня дома (Кати почему-то не было, наверное, гуляла с ребенком) и сам подтвердил те слухи, я расхохотался:

– Ты?! Ты ли это говоришь?! Не верю своим ушам!

– Смейся, я не обижаюсь, – снисходительно проговорил приятель. – Просто ты плохо представляешь ситуацию. Сегодня для страны частный бизнес важнее, чем геология. Бизнесмены оживят экономику, поднимут страну. Скажу тебе по секрету: я закрутил такое дело!.. – он посмотрел на меня, чуть прищурив глаза, точно прицениваясь. – Вообще-то я к тебе с предложением. Мне сейчас нужны люди.

Помнится, я ощутил в душе скуку.

– Игорь...

– Подожди. Ты прежде выслушай, – остановил он меня (он всегда умел командовать). – Я знаю, ты увлечен своей работой. Это хорошо. Я предлагаю тебе не менее интересное, а может, и более интересное дело. Послушай: включаются длительные программы. Одна из них – лесная. Разрешение на вырубку я уже получил. Схема простая: лес будем гнать в Белоруссию, а оттуда везти панели для строительства домов.

(Мне тогда еще подумалось, что из него получился бы отличный депутат.)

– ...Мэрия уже дала согласие, – продолжал без остановок Игорь. – Часть квартир им, остальные продаем с аукциона. Если сейчас стоимость одного квадратного метра жилплощади составляет около пятисот долларов, а в доме, по нашему проекту, триста квартир... – и он стал излагать такое обилие цифр: затраты, прибыль, отчисления, чистый доход, – что у меня голова пошла кругом.

– ...Я изучил законодательство, навел связи, у меня даже в банке свои люди... – гремело у меня в ушах.

Я слушал, и мне становилось не по себе. В стране происходило что-то необъяснимое, все менялось, все пришло в движение, а я как будто погрузился на дно своих древних бассейнов и ничего не замечаю, словно меня это не должно коснуться.

– ...От тебя требуется сколотить бригады, организовать транспорт для вывоза леса, – энергично звучал Игорев голос. – Мне нужен свой человек, которому я мог бы полностью доверять. Ты будешь моей правой рукой! У тебя какой оклад? – неожиданно спросил он.

Я рассеянно уставился на него.

– Пятьдесят или шестьдесят тысяч... Шестьдесят, кажется.

На лице Игоря скользнула сочувственная улыбка.

– И хватает? – и, не дожидаясь ответа, он прибавил: – У меня ты будешь получать в двадцать раз больше!

Я молчал.

– И еще у меня есть одна идея, – с лукавым выражением лица он подался ко мне, точно собираясь сообщить нечто глубоко интимное, но вместо этого отчеканил: – Мусковит! – и торжествующе откинулся на спинку стула. – Мусковит – ценнейшее сырье. У меня есть на примете несколько участков на Кольском, не отмеченных в отчетах, но где обязательно поперет мусковит. Мы застолбим эти участки (теперь это можно), создадим совместное предприятие и погоним слюду за рубеж! Пойми, сейчас нельзя терять время! – негромко, но внушительно проговорил он. – Сейчас у нас период накопления начального капитала. Еще есть возможность встать на ноги. А завтра будет поздно.

– Игорь, – взмолился я. – Какой капитал! Какие бригады! Какое совместное предприятие! У меня получены результаты, к которым я шел восемь лет. Результаты, которые многое могут дать стране. В них – годы моей учебы и весь опыт работы геологом. Уже готова статья, наполовину сделана диссертация... Почему я должен накапливать какой-то начальный или конечный капитал?

– Потому что иначе завтра ты проснешься нищим. У тебя ребенок. Дочка? Подумай о ней.

«И ты владелец таких сокровищ?!» – вспомнилось мне восклицание Кати.

– Если я специалист в своей области, почему же я стану нищим? – не мог согласиться я.

– Потому что наука нынче никому не нужна. Идет дележ страны. Вот когда всё поделят, возможно, понадобятся специалисты, но, боюсь, это случится уже не при нашей жизни. Знаешь, я скажу тебе прямо: сейчас нужно быть специалистом делать деньги. И это чистая правда.

Мы расстались, но в ушах у меня продолжало звучать: наука сейчас России не нужна.

...Какое-то время я бездумно прислушивался к ровному самозабвенному гуду самолетных двигателей. Невесело возвращаться памятью в те дни – дни, когда я перестал понимать, что происходит вокруг.

«Наука сейчас не нужна». Эти слова Игоря я вспоминал почти ежедневно. Сперва после того, как нашу группу переселили из просторного кабинета в маленький и темный. Затем – когда из закрытого холла на первом этаже выбросили все наши коллекции, и на их месте разместился колбасный магазин. Вскоре по институту прокатилась первая волна сокращений. Несколько отделов полностью ликвидировали. Ребята помоложе уходили сами – должно быть, накапливать начальный капитал. О полевых работах не велось и речи. Наука действительно не нужна...

– Что я могу поделать? – оправдывался на собрании директор. – Что делать, если финансирование сократилось на девяносто процентов.

Помню, однажды я был поражен, подавлен, услышав по радио, что годовой доход одного из членов правительства составляет такую же сумму, в какую обходится государству за год содержание всего нашего института со всеми его лабораториями, мастерскими и полутысячею оставшихся сотрудников.

В один из этих тяжелых дней и позвонил из Владивостока Олег.

...Мы приземлились в Омске, давно уже был день. И снова взлетели, и я снова погрузился в воспоминания.

КОММЕРЦИЯ

Олег учился на кафедре морской геологии. Над его кроватью в нашей студенческой комнате висела карта Мирового океана, на которой он то ли в шутку, то ли всерьез пометил красными треугольничками места, где он якобы собирался побывать – в Марианской впадине, на островах Кука, в Красном море и так далее.

С Олегом мы особенно сдружились во время нашей первой производственной практики, когда мы оба попали на Верхоянье, в поисковый отряд. Нам, двум студентам, доверяли небольшие самостоятельные маршруты, и в одном из них, пока мы возились на обнажении (скальном выходе пород), медведь погрыз нашу резиновую лодку, на которой мы поднялись вверх по речке вдоль обрывистого берега. На обратном пути я лежал поперек обмякшей бесформенной лодки и зажимал двумя руками стянутую мокрой веревкой пузырящуюся дыру. Олег правил, стараясь увертываться от бурунов, и одновременно подкачивал ногой наше «плавсредство». На полпути до лагеря мы затонули (к счастью, вблизи от берега) и потом до темноты, до ломоты в голове и посинения ныряли, отыскивая на дне наши образцы, молотки и ракетницу. Олег, долговязый, еще более ссутулившийся, с каплями воды на подбородке, пытался еще шутить.

– Это тебе не Красное море, – хрипел он. Или: – Хоть бы ракетницу достать, а то даже застрелиться не из чего.

...Большинство пассажиров спит, хотя снаружи струится яркий свет. Какие ослепительные, чистые краски! Мы как будто летим над голубым океаном с плавающими по нему фантастическими сияющими холмами белой пены. А все же интересно, какой он, океан?

Я всегда с большим интересом читал письма Олега с описанием его морских экспедиций. Из них я узнал, что он побывал уже в районе Марианской впадины и следующая его цель – Красное море. Затем он сообщил, что его приглашают работать в Канаду. Позднее, уже из Канады, пришла посылка с красивыми вещичками для моей годовалой дочки. Уже тогда меня несколько удивило, что в прилагавшейся записке друг рассказывал об изобилии и качестве канадских товаров, но почти ни словом не обмолвился о своей работе геолога. После этого год или больше от него не было никаких вестей.

И вот однажды звонок и знакомый голос:

– Вадик, привет! Как живешь? Как дочка? Что с работой? Я слышал, вас чуть ли не разгоняют.

Я не успел ответить.

– Слушай, Вадька, – долетело до меня из невообразимой дали. И после маленькой паузы: – Пойдешь со мной в Корею?

– Пешком? – хохотнул я, воспринимая его слова как шутку.

– На судне. Тебе нужно лишь получить загранпаспорт.

Это уже не походило на шутку.

– Ты что? Какая Корея?! – прокричал я в трубку.

– Южная.

– Да при чем вообще Корея?! Что мне там делать?

– Товар будем возить, – последовал ответ. – На продажу.

– Это невозможно! – постановил я.

– Я разузнал: все возможно, – по-своему понял мои слова друг. – И еще: про наш разговор никому не говори. Почему? Потом объясню.

Скоро пришел от Олега денежный перевод с припиской: «На паспорт». Так что волевым путем заграничный паспорт пришлось оформить. «Может, когда-нибудь пригодится», –

оправдывал я перед собой потраченное на это время и деньги друга. Мысль о Корее я сразу выкинул из головы, а скоро забылся и тот телефонный разговор. Новенький загранпаспорт валялся без применения на полочке секретера. Однажды на него наткнулась жена.

– Зачем это тебе? – недоуменно спросила она.

– Может быть, пригодится, – я не стал говорить про Олега.

– И сколько это стоит?

Пришлось назвать цифру.

– А ты знаешь, что нашей дочке не в чем ходить в садик? – Катя впервые смотрела мне в глаза так холодно. – Ты весь в своем Енисейском кряже, а мы сидим без денег. Я уже не говорю о том, что у меня самой нет туфель, нет нормального пальто, ни одной приличной юбки! Но скоро и молоко ребенку не на что будет купить.

Спустя несколько дней я рыл за городом колодец вдвоем со знакомым кандидатом наук.

– Это как раз по нашему профилю: геологи всегда стремятся в глубь земли, – шутил напарник, сидя в колодце, в то время как я с тупым упорством механизма тянул на веревке очередное ведро с глиной.

И все же это были лишь случайные заработки. Деньги с удивительной быстротой иссякали. И в часы бессонницы теперь вместо мыслей о золотиносных зонах передо мной вставали вопросы: на что жить, что сделать, чтобы жена не смотрела на меня так тоскливо.

И вдруг, в начале марта, снова звонок:

– Вадим, паспорт готов? А сам ты готов? Я выслал тебе деньги на билет. Отдашь, когда отработаешь.

– Какой билет? – растерянно пробормотал я.

– Как какой? На самолет. До Владивостока. Через десять дней мы с тобой выходим в рейс.

– Так сразу? А позже нельзя?.. – мямлил я, пытаюсь найти вескую причину, почему я не смогу вылететь (а в том, что я не полечу, я тогда не сомневался). – А сколько я у тебя пробуду?

– Месяца три, может, четыре. Откуда я знаю? Как получится. Заработаете на жизнь и будете дальше заниматься своей наукой.

– Ну нет! – решительно возразил я. – Меня на такой срок никто не отпустит. У нас отчет. И диссертацию я пишу. Я, конечно, попробую поговорить с начальством... Но вряд ли.

– Хорошо, я перезвоню тебе через три дня.

...В иллюминаторе – опять темнота, опять ночь, луна, а мы все летим...

«ИДИОТЫ»

«Что же делать?» – ломал я голову после Олегова звонка. Может быть, сама судьба дает мне шанс выбраться из той беспросветицы, в какую я попал с семьей, – заработать на жизнь, как говорит Олег, и спокойно продолжать свои исследования? Представится ли еще когда-либо такая возможность? Представится ли возможность побывать за границей, сходить в рейс? Но с другой стороны... Все бросить – текущую работу, модель, которую осталось только довести до ума, почти завершённую диссертацию, укатить на четыре месяца в полную неизвестность... Нет, на такое я не могу пойти. Да и чего я вообще ломаю голову! Меня просто не отпустят! Начальник ни за что не отпустит. Он знает, над чем я работаю, знает, насколько это важно. Так что все решится само собой.

На следующий день, помнится, я все тянул, прикидывая, с чего начать объяснение со своим руководителем.

– Хорошо, что зашел. У меня как раз к тебе разговор, – такими словами встретил меня шеф.

В первую минуту я даже опешил: он уже все знает?!!

– Как идет работа? – последовал дежурный вопрос.

– Нормально. Заканчиваю главу в отчет.

– А как с деньгами? Подрабатываешь где-то?

– Приходится. Недавно рыл колодец.

– Что ж... Значит, ты сможешь это время как-то продержаться.

– Какое время?

– С апреля по сентябрь. Дело в том, что с апреля по сентябрь нас отправляют в неоплачиваемый отпуск. Весь институт.

– А на что жить? – спросил я. – Колодец – дело случая.

– Не знаю, – помрачнел он. – Сам не знаю, на что жить. И чем все это кончится, – и он хлопнул ладонями по крышке стола: – Всё!

– Как же так?! – возмутился я. – А защита отчета?! А моя диссертация?

– Защита отчета переносится на осень. Если вообще осенью здесь что-то будет... А твоя диссертация, друг мой, это твое личное дело.

– Статья – тоже мое личное дело?! А конференция по золоту, где у нас с вами доклад?! А модель?! – я уже почти что кричал, совершенно забыв о том, что сам несколько минут назад собирался отпрашиваться. – Мы же будем терять квалификацию! Государство потеряет специалистов, месторождения, что могли быть открыты! Это тоже мое личное дело?!!

Мое возмущение оказало на шефа действие, сравнимое с действием запала на заряд.

– Идиоты!!! – вдруг закричал он еще громче меня, вскочил из-за стола, и лицо его побагровело и все пошло какими-то волнами. – Мы! Мы идиоты! Все мы! Средним классом захотели быть! Как в Америке. Демократии захотели! На митинги бегали. Болтунов всяких слушали, рты раззявив. «Перестройка», «рыночная экономика»! А теперь вон... картон по мусорным бачкам собирать будем! Чтобы на батон себе заработать. Интеллигенты хреновы! – он чуть не задышался от расправившего его гнева и отчаяния (таким шефа я видел впервые). – Когда в Прибалтике русских начали давить – молчали. Мол, там демократия строится. Геологические экспедиции стали ликвидировать одну за другой – тоже ничего, «необходимость новых экономических условий»... А теперь... когда самих за горло взяли – завопили! А кому мы теперь нужны?! Американцам? Что могли американцам продать, уже продали. Месторождения золота!.. Разведанные, готовенькие, только бери! Кубака на Чукотке! Пятьсот тонн металла! Воронцовское на Урале! Самые сливки! На разведку, подготовку их затрачены миллиарды! Годы! Люди положили на это жизни! Поколения геологов!..

Теперь продадим, деньги профукаем, и все. И больше с этих месторождений мы не получим ни копейки! На севере поселки брошены. Люди брошены! – он потряс в воздухе сжатым до побеления кулаком. – Нефть еще осталась, нефть продаем. А взамен что? Везут нам, как индейцам в период колонизации, стекляшки и безделушки. Все ларьки наполнены этой мишурой: жвачки, зажигалки розовые, пепси-кола, петарды, что рвутся у нас под окнами... У нас свое было лучше, много лучше! Все потеряли, разбазарили! Да что говорить...

Словно обессилив, шеф рухнул на стул, тяжело, со свистом дыша, как будто отчаянно боролся только что с кем-то, невидимым мне, но потерпел поражение.

– Что говорить, – повторял он уже тише, совсем тихо, точно это был уже другой человек, усталый, задавленный, разбитый. – Ничего не остается, надо приспособливаться. Все как-то приспособливаются. Кто свои коллекции минералов распродает, кто для дачников скважины бурит, а кто и колготками торгует с лотка. Кто на что горазд. Вам, молодым, легче. А вон Скрыплёв, доктор наук, старейший специалист по Забайкалью – я его недавно встречал, – телеграммы разносит. А ты тут со своей кандидатской...

Я смотрел на него, и мне казалось, что он постарел лет на двадцать. Он открыл ящик стола, достал какие-то таблетки. Я попрощался и вышел.

Придя домой, я сказал жене, что лечу на Дальний Восток.

– Зачем? – округлила Катя глаза.

– Чтобы не быть нищими.

– Папа, а ты привезешь мне куколку? – попросила дочка в день расставания.

– Будет тебе куколка, – пообещал я. – Самая лучшая.

...Самолет качнуло, и я вышел из оцепенения. «Уважаемые пассажиры, наш самолет идет на снижение, просьба пристегнуть ремни...»

Затяжное падение в бездну...

ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ПРЕДСТОЯЩЕМ ДЕЛЕ

Летающие навстречу огни проносятся, словно трассирующие пули. Сотрясение и ровный победный бег, завывание тормозящих турбин. Всеобщий вздох облегчения. Пассажиры встают. Для них рейс окончен. Для меня же все только начинается.

Все представления о времени и пространстве рухнули. Четырнадцать часов – и я на Дальнем Востоке. Я уже сижу в автомобиле рядом с Олегом. Я вылетал ночью, и здесь тоже ночь, только следующего числа.

Олегова «целика-камри» мчит нас по темному шоссе. После возгласов приветствия, рукопожатий, объятий мы оба молчим. Наверное, нужно время, чтобы мне свыкнуться со своим новым положением в другой части планеты. И с новым положением в жизни...

Олег следит за дорогой, за редкими проскакивающими мимо нас автомобилями. Внешне он почти не изменился. Лицо его, с черной, заостренной книзу бородкой, в очках с тонкой металлической оправой, меньше всего, по моим представлениям, походит на лицо коммерсанта. Это все тот же Олег, с которым мы прожили пять лет в одной комнате, с которым сплавлялись на дырявой лодке по буйной речке Менкюле. Или уже другой?

Я озираюсь по сторонам. Щетинятся голыми деревьями черные силуэты холмов. А над ними – все та же полная желтая луна. А может, и луна здесь другая?

Пока ехали, я стал задремывать, и мне привиделось, будто мы уже прибыли и Олег вводит меня в свою квартиру...

Реальная квартира с широким протяженным коридором, ведущим вправо, в комнаты, и большой кухней, расположенной слева от входа, почти не отличалась от той, рожденной сонной игрой воображения.

Одна из двух обширных комнат оказалась наполовину заваленной коробками, мешками, ворохами юбок и спортивных костюмов. Из коробки с игрушками торчали женские сапожки, а на углу аквариума стопкой лежали упакованные в целлофан бумажники.

– Это все ты понавез? – изумился я.

– Это уже остатки. Основную часть уже продали, – отвечал приятель. – У меня еще комната в соседнем подъезде служит складом.

– Сколько же ты привозишь?

– Сколько могу увезти, – усмехнулся он. – Обычно два КамАЗа полных нагружаем.

Я подавленно глядел на гору всевозможной одежды. Я слышал о «челноках», видел их по телевизору таскающими туго набитые сумки и воображал деятельность Олега (и свою предстоящую) примерно такой же. А тут два КамАЗа за рейс!

Мы сидели в кухне. Ольга, Олега жена, сонная (по владивостокскому времени было три часа ночи), чуть ли не с закрытыми глазами раскладывала нам остывший плов.

– И как ты это все продаешь? – не мог примириться я с фантастическими для меня объемами.

Олег кивнул жене:

– Вадим думает, я выхожу на базар... с телегой и ору, покупателей сзываю. Я продаю все это, не вставая с дивана! – захохотал он. – Набегают покупатели-оптовики, и бывает, в три-четыре дня все разлетается. Сейчас похуже, но тоже все уйдет. Что останется, Ольга продаст, пока мы будем в рейсе. Она еще лучше меня продает. По максимальной цене, – и он положил руку на плечо жене. Тотчас усталое выражение на ее лице сменилось благодарной улыбкой.

– Ложись, тебе завтра Машку в бассейн вести, – легонько подтолкнул он супругу к двери.

Едва она вышла, я повернулся к другу:

– А как же геология, Олег?! Морские экспедиции? Красное море?

– Экспедиции отложили... лет на сто, – ответил он несколько раздраженно. – И вообще, не хочется сейчас об этом говорить.

Мы оба помолчали. Вопреки моим ожиданиям, почему-то не вспоминали (смеясь, перебивая друг друга, как мне рисовалось до этого) общие для нас события студенческой поры.

– Дней через семь выходим в рейс, – вскинул голову Олег. – Вдвоем. Хотя это и невыгодно – оплачивать две путевки. Но надо, чтобы ты освоился. Следующий рейс пойдешь один. Попробуешь. Если не покатит, я куплю тебе обратный билет – и вернешься в Питер. В таком случае ты ничего не теряешь. В материальном плане, – прибавил он. – Теряю я. Ну а в моральном... тут уж сам смотри. Если же все нормально, – продолжал он после паузы, – дальше будешь работать без меня. Я собираюсь съездить с семьей в Америку.

Я сидел как оглушенный. То, о чем говорил Олег, не уместалось у меня в сознании. Если бы кто-нибудь сказал мне в Питере, что я в одиночку отправлюсь за границу за товаром, я бы хохотал в ответ. Но сейчас я понимал, что отступать поздно. Сделав один шаг, придется делать и следующие. Меня успокаивало лишь, что если это и случится, то не скоро, что в ближайший рейс мы все же пойдем вдвоем.

Для сна мне было предоставлено кресло-кровать в кухне. Раскладывая его, я обнаружил в его глубинах пачки стодолларовых купюр.

– А-а, это Ольга забыла убрать, – шевельнул кистью руки Олег. – Она их на всякий случай припрятывает. От налоговой полиции.

– А что, есть такая опасность? – насторожился я.

– Еще бы! Они у нас уже были. Правда, не из самой налоговой, а из ФСБ. Витьку Жупикова раскручивали, а заодно и ко мне заглянули. Хорошо, Ольга успела пакет со всеми деньгами выбросить на балкон, а то бы все забрали.

– А что, торговать нельзя? – удивился я.

– Так – нет. Я давно собираюсь оформить предпринимательство, да все откладываю: налоги всю прибыль съедят. Если делать все по закону, ничего не заработаешь.

Я задумался. Выходит, деятельность Олега незаконна. Значит, и я буду заниматься нелегальным промыслом... Ожидал ли я такого оборота? Наверное, еще полгода назад подобный вариант был бы для меня абсолютно неприемлем. Однако сейчас я не испытывал сколько-нибудь ошутимого внутреннего протеста. Очевидно, предшествующие события достаточно подготовили меня к этому.

– Как же они узнают, кто торгует? – спросил я.

– Да все на виду, – разговаривая, Олег постукивал по столу пачками денег, точно колодами карт. – Те, кто постоянно ходит в Корею, известны. Потом, мы всякий раз объявления в газету даем: мол, спортивная одежда из Кореи. И вообще, тропка сюда уже натоптана, не спрячешься. Я потому стараюсь свои деньги сразу вкладывать в недвижимость: второй гараж купил, земельный участок (на Ольгу оформил), в Питере у вас собираюсь квартиру купить, чтобы в случае, если тут все конфискуют или срочно придется от бандитов скрываться, – чтобы было куда. Чтоб хоть что-то осталось...

Я слушал, позабыв о разобранном наполовину кресле. ФСБ, налоговая полиция, бандиты – все это будет сопровождать теперь и мою здесь жизнь! Недаром перед вылетом сюда меня одолевали тягостные предчувствия...

– А что, бандиты тоже могут напасть? – спросил я по возможности спокойным тоном.

– Могут, – кивнул друг. – Уже нападали. Как в кино: с пистолетом, в масках. Мне прямо с порога как врубили кастетом, так я уже больше и не соображал ничего. Схватили дочку, нож приставили и мне кричат: где деньги?! А я вспомнить не могу. В голове одно: Машка! Десять тысяч долларов забрали. Сам отдал.

– Сам отдал? – удивился я, воспринимая рассказанное как фильм-боевик.

– Я все готов был отдать в том состоянии. Они спрашивают: «Еще есть?» Я говорю: есть. Представь! «Где?» А я не помню, голова не варит. Они к Ольге. Она молчит. Была еще примерно такая же сумма в рублях – они не нашли. А потом оказалось, что Ольга знала, где они лежат. Не всякий мужик выдержит, согласись. Особенно если ребенок...

– И как ты после этого? – спросил я, помолчав.

– Никак.

– Но ведь это может повториться.

– Теперь уже вряд ли. Я и дверь железную поставил, с глазком, и крыша есть... Хотя, конечно, не гарантия.

Слово «крыша» я пропустил тогда мимо ушей, приняв его в буквальном смысле. Лишь позднее я уяснил, что «крыша» – это те же бандиты, одна из группировок, которые за плату берутся охранять от других бандитов.

Олег бросил пачки долларов в дипломат и пихнул его ногой под мою же лежанку.

«Ну и жизнь. Как на войне», – подумал я, укладываясь. Засыпая, я ощущал под своей спиной, словно мину, чудовищное для меня количество деньжищ, и мне мерещилось, как бандиты тихонько влезают или, наоборот, с грохотом вламываются в окно, пришибают меня кастетом, дабы завладеть ценным дипломатом.

«ЧЕМПИОН»

Мне показалось, я не проспал и десяти минут, как в дверь позвонили. За окном уже было светло. Восемь утра. Мимо кухни проплелся Олег, в одних спортивных штанах, щурясь без очков. Щелкнул запор.

– О, Миша, привет, – буднично, но с добродушными интонациями прозвучал из прихожей его голос. – Что скажешь хорошего?

– Семпион. Семпион есть? Какая сена семпион? – отвечал ему тонкий певучий голосок.

– Дорого, Миша.

– Съюка?

– Десять долларов.

– О, Олег! Сутис?

– Не до шуток. Тебе, так и быть, немножко сбавлю. Как постоянному клиенту. Вадим! – окликнул Олег меня. – Пойдем, тебе надо вникать. Хотя в этом ничего сложного нет, день-два – и сам продавать будешь.

Последние его слова я воспринимаю как нечто маловероятное. Догоняю Олега и покупателя уже на улице. Покупатель – вьетнамец, пухлый, коренастый, с маленькими детскими глазками. В сторонке прогуливается другой, помельче, видимо, напарник.

– Чего они хотят? – успеваю шепнуть другу.

– Костюмы спортивные. «Чемпион Америки» называются, – походя объяснил Олег.

Через двойную железную дверь попадаем в квартиру-склад. Это действительно склад: спертый воздух, пыль, обрывки картона в коридоре, в комнате беспорядочно навалены широкие, уплощенные, похожие на диванные матрасы мешки. Миша, точно большой толстый паук, тотчас начинает в них рыться, одни отваливать в сторону, другие вскрывать, вытаскивать из них плоские полиэтиленовые пакеты с упакованными в них темно-синими костюмами, разворачивать, прощупывать.

«USA Champions», – читаю я вышитую на костюме надпись.

Олег с отрешенным лицом стоит в дверях.

– Как он меня задолбал, этот Миша, – говорит он в полный голос. – Хотя, с другой стороны, они настоящие купцы, эти вьетнамцы.

Отобранные мешки Миша, громко сопя, с испариной на гладком лбу, перетаскивает волоком к входной двери. Олег считает на калькуляторе общую сумму.

– Олег, поза-а-луста... – тянет вьетнамец и смотрит на Олега детским просящим взглядом.

– Нет, Миша.

– Оле-е-ег...

– Что он хочет? – не понимаю я.

– Хочет еще рыться. Отобрать из дамских сумочек-чемоданчиков только те, что с колечками, а все с крючочками мне оставить. Нет, Миша, – отвечает Олег на еще более умоляющий взор, – или бери все разом, или я другому продам.

Но Миша продолжает канючить и добивается своего. Наконец распахивает куртку и извлекает из глубин внутренних карманов пухлые пачки денег.

– Пересчитай, – передает мне Олег всю эту кучу.

Напряженно, как па экзамене, я начинаю перебирать бумажки.

– Надо будет дома дать тебе пачку, чтобы потренировался, – замечает друг. Он берет одну из пачек и двумя большими пальцами ловко перелистывает ее, не хуже счетной машинки. Часть денег почему-то влажная, купюры липнут друг к другу.

– Ты что, их под мышкой держал? – ворчит Олег на своего клиента. – Или плакал над ними? Ладно, пойдем, – дергает он мне головой, небрежно сгребая банкноты в кучу. – Дома посчитаем.

– А если не будет хватать? – беспокоюсь я.

– Тогда Миша, сколько не хватит, доплатит, – отвечает друг, запирая двери, прижимая локтем завернутые в газету деньги. – А может, и не доплатит. На фоне потерь, какие порой случаются, это все ерунда.

РАБОЧИЙ ДЕНЬ

Дом Олега стоит на косогоре. Под ним нескончаемым потоком в сизой дымке выхлопных газов бегут автомобили. Дальше синее краешек моря с корпусами судов и горной грядой на горизонте. Оттуда тянет зимним холодком. Однако во всем уже чувствуется весна. Пахнет прелой травой. Солнце растапливает последние грязные нашлепки льда на дорожках. Там и сям скачут по земле сороки (откуда их здесь столько?). Иссиня-черный сорочий хвост высывается, оживленно подрагивая, из безалаберного, с торчащими во все стороны ветками, гнезда на опоре электропередач.

С нагорной стороны к подъездам ведут мостки, сразу попадающие на второй этаж. Под ними стоит микроавтобус. Миша со своим напарником швыряют мешки через перила вниз, прямо на пыльный асфальт.

– Пойдем, позавтракаем наконец, – подталкивает меня Олег.

Однако едва Ольга налила нам по чашке чаю, как вновь звонок. Олег идет открывать. Я тоже вскакиваю.

– Сиди, это будет продолжаться до вечера, – останавливает меня Ольга.

– Что у вас есть? – слышится из прихожей. – Кроссовки есть? Под реализацию дадите?

Я выхожу из кухни. В дверях теснятся трое рослых парней. В отличие от Миши они не суетятся, берут всего понемногу, подолгу советуются между собой.

– А черные кроссовки почему не привозите? – говорит один из них, обращаясь ко мне. – Черные лучше идут.

И тут до меня окончательно доходит, что долгие месяцы я буду заниматься не древними осадочными бассейнами и не сложнейшими процессами накопления золота в них, а белыми и черными кроссовками...

– Оля, запиши: кроссовки – двадцать пар по двадцать две с половиной, кошельки... – диктует Олег после ухода покупателей.

– Может, нам и вправду лучше черных кроссовок привезти? – спрашиваю я, стараясь показать свою причастность к делу.

– Если бы сейчас были черные, они сказали бы, что нужны белые, – усмехнулся Олег. – Не переживай: всяких привезем!

В эту минуту из прихожей снова доносится звонок.

Вечером Олег задернул шторы и раскрыл дипломат, доверху набитый деньгами. Он набирал пачки по сто штук и передавал Ольге или мне для пересчета. После этого пачки перетягивались резинками и укладывались обратно в кейс. Тут же играла Маша со своими куклами, не проявляя к занятиям взрослых ни малейшего интереса.

– Ма-а-ам, – порой начинала приставать она.

– Маша, не мешай, иди к своим игрушкам, – отгоняли ее. – Со счета сбиваешь. И не хнычь, у мамы и так голова болит.

– В квартире грязь, ребенок заброшен, – как бы жалуясь, обратилась Ольга ко мне. – Так вот и живем.

– Каждый сам выбирает свой образ жизни, – не прерывая счета, проговорил Олег, и я почувствовал, что он сердится на жену за эту ее минутную слабость.

В щель между шторами пробивалось снаружи странное красноватое свечение. Заглянув туда, я увидел лиловое, с голубыми и розовыми полосами море и большое рубиново-красное солнце над ним. Казалось, оно пытается привлечь к себе хоть чье-то внимание. Повисев так какое-то время, оно разочарованно опустилось за край пепельно-фиолетовых

гор. И тотчас же вся картина поблекла, стала серо-голубой, словно сделанной из холодного металла.

– Получается тринадцать миллионов четыреста двадцать тысяч. Правильно, Оль? – слышалось за моей спиной.

Нет, я так жить не смог бы, решил я про себя.

ТУРФИРМА

В восемь утра Олег уже открывал железные двери гаража, что находился у него прямо под окнами, включал двигатель своей «целики». Через пять минут мы уже мчались в плотном потоке машин. Сперва в фирму, организующую рейсы.

«Марштур», – прочел я на входной двери. Если переставить буквы «т» и последнюю «р», получится «маршрут»... Мне бы сейчас рюкзак, геологический молоток – и в маршрут!

– А, Олег, привет. Идешь? – мельком улыбнулась на наше приветствие эффектная белокурая дама, заполняющая за столом какие-то бланки.

– Этот рейс иду, Эмилия Ивановна. А потом Вадим вместо меня будет ходить, – кивнул Олег на меня.

Я невольно приосанился. Дама скользнула по мне взглядом, и мне показалось, что она усомнилась в моей способности заменить Олега.

Мы отдали документы и деньги на путевки.

– Надо паспорт моряка оформлять, – сказала Эмилия Ивановна про меня. – Возможно, со следующего рейса будем набирать пассажиров только с паспортами моряка.

– Эмилия Ивановна, мы же с вами об этом говорили. Вадим не из Владика. Вы мне обещали одно место по «овировскому» паспорту.

– Ладно, Олег, договоримся, – и она снова склонилась над бумагами.

Я помалкивал, но в душе у меня бродили самые противоречивые чувства – и слабодушная надежда, что не придется ходить в Корею одному, и досада, что из-за какой-то формальности я после первого же рейса могу отправиться домой, и вся поездка получится напрасной.

– Что, без паспорта моряка меня могут не взять на судно? – осведомился я, когда мы снова уселись в машину.

– Возьмут, куда не денутся, – ответил Олег. – Я фирму вывел на таможеню. Должна же Эмилия оценить это.

– Что значит «вывел таможеню»? – спросил я.

– Вывел фирму на таможеню, – поправил Олег. – Очень просто: свел фирму со знакомым таможенником. Теперь судно будет встречать своя смена.

– А зачем паспорт моряка?

– Если все на судне с паспортами моряка, то оформление производится через рыбную таможеню на мысе Чуркина.

– Там лучше, что ли?

– Там проще.

– А у нас какая таможня? – задал я вопрос, заранее ощущая холодок в груди.

– У нас пассажирская, – последовал ответ. – Нас будут оформлять на морвокзале. Там волки. Так что вся надежда на свою смену.

– Мне не совсем понятно, – продолжал я расспрашивать, – пассажиры идут по паспорту моряка, значит, они уже не пассажиры?

– Все они зачисляются в состав команды. У каждого должность: кто матрос, кто электрик, меня инженером оформляли, – разъяснил приятель.

– Но ведь это же липа?!

– Ну конечно.

– И это же не скроешь?

– Да, все знают.

– И таможня?!

– И таможня.

– И ничего?

– И ничего. Все документы в порядке, всех оформляют через УНИФ – Управление научно-исследовательского флота, утверждается судовая роль... Бывали, правда, сложности с медицинской комиссией, а потом и это решилось – платишь сто пятьдесят долларов – и получаешь медицинскую книжку. Турфирма все делает. Я как-то решил сэкономить сто пятьдесят долларов и самому пройти комиссию. Так они меня замучили: и прививки, и флюорография в трех ракурсах, и контроль на СПИД, на сифилис, и черт знает, что еще!

За деньги все получается быстрее и проще, подумал я. Но разве это нормально? Хотя, возможно, я, как вымирающий динозавр, отстал со своими понятиями...

Еще меня интересовало, какая польза фирме, оттого что Олег «вывел ее на таможду».

– Ну как же! – улыбнулся приятель. – Фирма заинтересована, чтобы все прошло гладко, чтобы не отпугнуть клиентов.

– А таможне какой интерес? – спросил я, уже предугадывая, что интерес должен быть.

– Фирма им будет платить, – просто ответил Олег. – Не свои, конечно, с коммерсантов собирать.

Меня удивляло, как все тесно завязано, закручено на взаимных интересах. Все это был незнакомый мне мир, пока что мало понятный, пугающий и в то же время притягательный своей напряженностью, и я старался усвоить все услышанное.

ФИНАНСОВЫЕ ОПЕРАЦИИ

Покинув турфирму, мы пустились кружить по городу, останавливаясь возле пунктов обмена валюты, в поисках минимального курса продажи американских долларов. У одного из пунктов, предварительно выяснив курс, Олег сунул сверток с деньгами за пазуху, и мы быстро поднялись по лестнице к могучей двери с глазком, напоминающей вход в бункер. Олег прошел без очереди (с большой суммой, оказывается, могут принять сразу). Я остался у дверей, подозрительно приглядываясь к нескольким парням, хмуро жующим резинку. Минут через пятнадцать Олег вышел и, не оглядываясь, побежал вниз по ступенькам.

– Теперь скорей уезжаем отсюда, – молвил он, захлопнув дверцу и сразу трогаясь. Когда мы отъехали довольно далеко, он сказал: – Тебе тоже придется менять рубли. Лучше это делать вдвоем с кем-нибудь. Город у нас криминальный, бывает, работники обменников сами наводят бандитов на тех, кто поменял большую сумму.

Я принялся напряженно продумывать, как я буду менять деньги. При этом я волновался так, точно мне предстояло выполнять это уже сегодня.

– Ты запоминаешь, как мы едем? – прервал Олег мои волнения. – Старайся запоминать, пригодится.

В узкой улочке, куда мы свернули, к нам в машину подсел здоровый парень с пышными усами, подковой изогнутыми к подбородку.

– Шура, – представился он мне, обнажив в улыбке ряд блестящих железных зубов и слегка выкатывая карие украинские глаза.

О нем я уже слышал от Олега. Это был его ближайший сподвижник по бизнесу Шура Безбережный, большой знаток гороскопических мудростей.

– Сегодня деньги лучше не менять, – первым же делом заявил знаток. – День для этого не очень благоприятный.

– Чем же? – любопытствовал я.

– По гороскопу, понедельник нечетное число – лучше финансовые операции не проводить.

– А мы уже поменяли! По минимальному курсу! – захохотал Олег с довольным видом.

Теперь мы ездили по киоскам и рынкам. Олег с Шурой получали деньги с «реализаторов», разыскивали должников и забирали остатки товара. Во время одной из остановок, когда Олег отошел один, Шура обернулся ко мне с переднего сиденья:

– Ты по месяцу рождения Лев? А по году Кабан? Олег мне говорил. А Кабан, Крыса и Дракон – люди одной команды. Но если у нас с Олегом преобладает эмоциональное начало, то как раз Кабан с его здравым умом должен вывести нас на новую орбиту. Вообще у тебя ближайший месяц должен быть успешным, а у нас с Олегом (мы оба Козероги) – сплошная задница. Так что вся надежда на тебя, Вадим.

«Час от часу не легче», – подумалось мне.

Однако Олег, похоже, не принимал всерьез Шурины гороскопические построения. Да и я понимал, что все это лишь развлечение для ума, вроде тех предсказаний по линиям ладони, что делала когда-то моя сестра. И то, что на следующий день курс доллара несколько понизился, то есть нам действительно не следовало менять рубли в понедельник, – ничего не значило.

ПОРТ

На другой день мы с Олегом отправились в порт. Не к морскому вокзалу, откуда нам выходить в рейс, а на рабочий черновой причал, где обычно простаивают (ремонтируются, укомплектовываются) суда.

Порт показался мне в первые минуты неким хаосом – беспорядочным нагромождением мачт, труб, кранов, из-за которых не видно было самого моря. Правда, здесь было не море, а лишь узкий залив Золотой Рог, его хвостовая часть, именуемая в народе Гнилым углом. Суда всевозможных размеров и конструкций стояли вплотную друг к другу, терлись, постанывая, боками и лишь в узких щелях между ними и у бетонной уступа причала пошевеливалась черно-бурая маслянистая гуща с плавающими в ней тоже черными бутылками, полиэтиленовыми пакетами и прочим хламом. Густо пахло нефтепродуктами, железом, тиной, гарью. Однако грубая эта обстановка почему-то не отталкивала, а, скорее, подбадривала меня. Здесь преобладало мужское начало, здесь было место людям сильным.

По словам Олега, почти все теплоходы тут, на сорок четвертом причале, были научными. Сейчас же, за неимением у науки средств, они либо простаивали без дела, либо выполняли туристические (а по сути, коммерческие) рейсы в Японию и Корею.

– Только научные суда ходят в Корею? – поинтересовался я.

– Да ты что! – воскликнул приятель. – Все ходят. И суда Морского пароходства, и рыбаки (БТРФ, Дальморепродукт), и Гидромет, и даже вояки.

«А как же их основная работа?» – собрался было удивиться я, но вспомнил, что у меня самого есть основная работа и она тоже брошена.

– А вот и наше, – указал Олег на весьма обшарпанное широкое четырехпалубное судно, совсем не похожее на те сияющие стройные туристические лайнеры, какие видишь обычно в рекламных роликах и проспектах. «Турбидит» – облупившейся белой краской было выведено на его черном борту. Какое-то мистическое чувство скользнуло у меня в душе. Слово это, ничего не говорящее большинству людей (да, наверное, и матросам из команды), прозвучало для меня как пароль. Ведь турбидиты – это отложения мутявых потоков в осадочных бассейнах, типа моего.

Бок о бок с «Турбидитом» покачивались такие же или еще обшарпанней и неказистей – «Вулканолог», «Бурильщик», «Профессор Скрыплёв»...

Не тот ли это Скрыплев, специалист по Забайкалью? Может, это в честь него названо судно, а он разносит телеграммы. Впрочем, скорее всего, это просто совпадение, хотя и довольно странное.

По громящему под ногами, обитому дюралем трапу мы взбежали на корму «нашего» судна. Олег уверенно проследовал вдоль борта, каким-то мощным рычагом вместо ручки отворил овальную железную дверь. Пройдя впереди меня по узкому коридорчику, он стукнул в дверь с табличкой «Электромеханик». Дверь отворил плотный мускулистый мужчина с лицом боксера.

– Заходите, садитесь, – широко, с ямочками на щеках, улыбнулся он. – Гена, – представился он мне.

– Пока что Вадим будет ходить вместо меня, – сообщил Олег Гене.

– Ясно, – приветливо глянул тот на меня.

– Он в курсе всех дел. Наш человек.

– Понятно.

Олег извлек из-за пазухи толстый, туго обмотанный белой изолентой брикет – доллары:

– Пристроишь.

Гена бросил брикет в ящик стола.

– Потом спрячет, – пояснил мне Олег, когда мы уже выбрались на палубу. Нетрудно было догадаться, что валюту Гена спрячет от таможни.

– И что таможенники, не находят? – осторожно осведомился я.

– Редко. Моряки всегда подходящую дырочку отыщут. Хотя все это тоже – нагрузка на нервы и седина в бороде.

СШИБКА КОЗЕРОГОВ

В один из вечеров квартира Олега наполнилась людьми, его компаньонами.

– О, уголовник Жупиков! – шутливо приветствовал Олег. – Туфли приволок. Смотри, Оля, это в который раз: берет на реализацию, а потом возвращает.

– Витек, мы бы уже давно их продали оптом, – возмущается Ольга. – А теперь они у нас будут валяться, десять пар.

Витек (он хозяин квартиры в соседнем подъезде, где Олег хранит товар), в очках, с усами пучочком под пухлым носом, делает виноватую и просительную гримасу. Олег смотрит на жену, и та со вздохом уносит туфли в комнату.

Появился худощавый, небольшого роста парень с серьезным, озабоченным, как будто слегка испуганным лицом – Шура Голощупов.

– Деньги принес, – доложил он.

– Шурик самый дисциплинированный: первый принес, – замечает Олег. – Что тебе брать, решил?

– Да, вот список... Папки – сто штук, женские блузки...

– Ладно, Шурик, я разберусь, – прерывает его Олег. – А вот и Макс! Максим Румянов, – представил мне Олег плотного круглолицего парня. – Мой самый надежный компаньон.

С самым надежным компаньоном также возникло разногласие по количеству числящихся за ним кожаных курток.

– Ты, Оля, забыла записать, – мягко, с улыбкой настаивал он. – Я за две куртки расплатился.

– Оля, – Олег испытующе уставился на жену. – Значит, ты что-то напутала. Максим же не станет обманывать.

Ольга порывисто встала и ушла из кухни.

Я понимал, что Олег проявляет уступчивость, не желая из-за куртки или из-за непроданных туфель ссориться с друзьями.

Все это были обычные дружеские «разборки», но подчас дело доходило и до серьезных конфликтов. Такая стычка произошла у Олега с Шурой Безбрежным во время одной из наших деловых поездок по городу.

Олег вел машину. Шура сидел рядом с ним и жевал «Сникерс». Я устроился на заднем сиденье.

– На какую сумму ты собираешься меня зарядить? – не поворачивая к напарнику головы, задал вопрос Олег.

Шурик стал жевать медленнее.

– Тысяч на девять долларов, – столь же медленно проговорил он.

– Я могу взять у тебя только три, – сухо сказал Олег. – Ты же знаешь, Шурик, я у всех беру одну-две, максимум три тысячи.

– До этого ты брал у меня больше.

– А теперь приехал Вадим, ситуация изменилась.

– Мне кажется, – как будто с трудом выдавил из себя Безбрежный, – о таких вещах надо предупреждать заранее.

– А что, ты бы тогда сам пошел? – спросил Олег с насмешкой.

– Не исключен такой вариант. А что мне остается делать? Ты же мне ставишь жесткие условия.

– Почему же? Есть и другие варианты, – возразил Олег. – Например: я привожу товар на тебя и на себя, а ты реализуешь.

– Так ведь и было.

– Разве? – хмыкнул Олег. – До сих пор было так: я иду в Пусан, там бегаю по магазинам, загружаю пароход, плачу за помещение, за таможенную, рискую... А потом сам же все и продаю – и свой товар, и твой.

– Я организовывал встречу, – веско вставил Безбережный.

– Встречал не ты один, встречали и остальные ребята. А ты так организовывал, что сам опаздывал на разгрузку. Было такое?

Шура мрачно молчал.

– Олег, – произнес он наконец, слегка заикаясь. – Ты мыслишь сейчас вне инфраструктуры. Ты забыл, как все начиналось, кто помог тебе наладить связи и кто тебя впервые зарядил валютой.

– Да, ты нашел тогда деньги! – запальчиво подхватил Олег. – И это было единственный раз. Дальше я вышел на Шмакина и занимал сам. В том числе и на тебя.

– ...И кто тебе сделал «крышу», – продолжал Шура, словно не слыша напарника (речь шла, конечно же, о бандитской «крыше»).

– А плачу за «крышу» я. И веду все переговоры напрямую. Ты сделал «крышу», а я нашел выход на таможенную. Инфраструктуру мы создавали оба.

– Но все равно у тебя претензии.

– Да, у меня претензии, – Олег резко крутанул руль, так что мы с Шуриком повалились набок. – Я считаю, что на данном этапе участие каждого из нас в деле не одинаково. Продавать ты не умеешь. Но и в Корею ходить ты не хочешь. Что ты сказал, когда мы вместе ходили? Что это дело не для тебя. Но и ничего нового за это время ты не придумал. Одни только разговоры о фирме, которой нет.

С заднего сиденья я слышал, как тяжело сопит Шурик.

– В таком случае... надо расходиться, – произнес он отчетливо.

– Шурик, – процедил Олег мрачно. – Ты же знаешь, что не стоит говорить мне такие вещи. Потому что я, конечно же, скажу: да, расходимся. Но ты прежде взвесь. Ведь ты таким образом становишься моим конкурентом. И конкуренция будет не в твою пользу: в Корею тебя не знают, помещения на судне у тебя нет... И с таможенной тогда сам выкручивайся.

Я тягостно молчал, тем более что оба спорщика, похоже, совсем забыли обо мне. Когда же мы остановились у торговой площади и Олег отправился к одному из киосков, оставив нас в машине, Шура, которого я собирался было успокоить, повернувшись ко мне, промолвил:

– Вадим, ты не бери в голову. Месяц сейчас такой, для Козерогов напряженный. Да еще четверг. Вот из Олега и прет раздражение. Ничего, это даже на пользу – накопившийся пар выпустить.

Через пять минут, когда мы тронулись дальше, они уже болтали о всякой чепухе, главным образом о марках машин.

– Вон «поджоро» пошел. Зверь машина!

– Мне «ланд ровер» больше нравится.

– Ну, это слишком круто. На них только таможенники ездят.

И тому подобное.

Однако Олег, видимо, продолжал в уме незаконченный спор и вечером без всякого внешнего повода посетовал:

– Конечно, когда я приехал во Владик, я никого тут не знал, и Шурик со многими меня свел. «Мой контакт», как он выражается. Мол, я всем обязан ему и его «контакту». Но что мне теперь, до конца жизни его содержать? Я привожу ему товар, Ольга его продает заодно с нашим... Ладно, меня бы это устроило, если бы он постоянно не ставил себя так, как будто он главный, как будто на нем все держится. А на деле он в коммерции – ноль. По образованию он биохимик, ему бы пепсины свои изучать, а не бизнесом заниматься.

– А почему не изучает? – спросил я.

– Будешь изучать, когда институт закрыли! Да и пепсин этот, как я понял, никого сейчас не интересует.

«Та же история, что и с геологией», – невольно сравнил я.

По вечерам обычно Олег полулежал в кресле, с пультом от телевизора в руке, глубоко погруженный в свои мысли. Помнится, в первые дни я добивался от него, где взять вилку, на что хозяин утомленно усмехнулся:

– Вадик, ну ты и вопросы задаешь! Посмотри сам. Есть же они где-нибудь.

Поэтому в последний вечер перед рейсом я не стал допекать его расспросами о том, что необходимо брать с собой из вещей, и собирался по своему усмотрению: несколько рубаш, свитер, вязаная шапка, полотенце... Большинство из этих вещей оказались совершенно не нужны.

ОТХОД

Уходим! В рейс! В океан! За границу! Как оно все будет? Какой он, океан? Ведь я никогда в океане не был. И на судне морском не плавал. Только на речном, по Енисею...

В девять утра мы с Олегом уже находились на причале, у морвокзала.

Туман и прохлада. Напротив здания вокзала возвышается, словно многоэтажный дом, большой пассажирский теплоход «Антонина Неждан». Он тоже идет в Корею, в город Пусан.

– Опередит нас, – недовольно кивает на него Олег.

– И что?

– Как – что?! На нем народу, знаешь, сколько! Сразу цены поднимутся. Это же рынок. А вон и наш!

Широкий коренастый «Турбидит» тычется в уступ причала, подается то вперед, то назад, подтягивается на канатах, накинутах петлями на железные тумбы (кнехты), деловито урчит.

– Притирается, – сочувственно замечает Олег.

На пирсе уже столпилось с десяток человек. Не дожидаясь, пока выбросят трап, они начинают закидывать на борт сумки, запрыгивать сами. Мы тоже запрыгиваем, проходим по длинному коридору между рядами безликих дверей, спускаемся по крутой лестнице вниз, где тоже каюты.

– Ключ у «второго»? – спрашивает Олег кого-то, имея в виду второго помощника капитана.

Оттираем. Перед нами – узкая комнатенка. В конце – круглый мутный иллюминатор. Две кровати справа, одна над другой, и одна под окном возле столика. Вот и вся обстановка. Олег сует в стенной шкафчик сумку, мой рюкзак и заваливается на кровать у иллюминатора.

– А тебе проходить таможенную, – сообщает он мне. – Увидишь, куда все пассажиры пойдут.

У него самого паспорт моряка, его будут досматривать на судне вместе с командой.

– Возьми какой-нибудь пакет для виду, – советует он, и я понимаю, что мои вещи очутились на теплоходе незаконно.

– А если спросят у тебя, чей рюкзак? – тревожусь я.

– Скажу: мой, – равнодушно отмахивается приятель.

На берегу пограничник в зеленой форме, с автоматом, в пяти метрах от судна протягивает какую-то желтую ленту, очевидно, имитирующую государственную границу. Другой пограничник, с собакой, начинает курсировать вдоль этой линии. Собака, пройдя несколько шагов, устало ложится: видать, скучно охранять такую несерьезную границу.

В здании морвокзала в беспорядочной людской толчее наталкиваюсь на улыбающуюся Эмилию Ивановну, окруженную несколькими девушками и парнями и облаком парфюмерных ароматов.

– Оформление через два часа. А пока что надо заполнить декларацию, – указывает она мне.

На листочке с готовым текстом я подтверждаю, что не провожу с собой ни наркотиков, ни оружия, ни боеприпасов к нему, а только лишь валюту. С собой на тот момент разрешалось провозить две тысячи долларов. Олег заблаговременно сунул мне тысячу двести долларов и выписанную на них в обменном пункте справку (просто в тот день, когда мы вспомнили об этом, мы покупали именно такое количество валюты).

– Что так мало? – удивляется Эмилия Ивановна, просматривая мою декларацию.

... Через два часа досмотр не начался. И через три тоже. И я уж приготовился ждать до вечера, когда отворились наконец двери досмотрового зала. Заглянув туда, я увидел стоящие

боком ко входу столы с какими-то надстройками, похожие из-за этого на трибуны. За каждой трибуной – по молчаливому оратору. Таможенники. Молодые все ребята, но очень, очень серьезные.

По очереди подходим к этим трибунам. Я для спокойствия жую жвачку.

– Выложите все, что у вас в пакете, – требует мой проверяющий, недружелюбно оглядывая меня с головы до ног.

Я выкладываю: расческа, носовой платок, несколько фотопленок (сейчас спросит: а где же фотоаппарат?)... А это что? Лист черновика научной статьи. Затесался как-то. Что-то про руды, месторождения...

Таможенник читает. Я перестаю жевать, стиснул резинку зубами. Может, там что-нибудь по запасам, по золоту?! Еще инкриминирует мне разглашение государственных тайн... Но по лицу читающего вижу: ничего не понимает.

– И это все? – кивает он на мой жалкий «скарб». – Весь ваш багаж?

– Да, – подтверждаю я, чувствуя себя клятвопреступником.

Досмотрщик пересчитывает валюту, делает пометку в декларации.

– А что у вас в нагрудном кармане? – и он смотрит мне в глаза гипнотическим взглядом. – Вон там, под свитером, в рубашке.

– Ничего, – отвечаю я, хотя сам уже начинаю сомневаться.

– Как же ничего? – с лукавым выражением говорит он (я слышал, они все психологи).

Я оттягиваю свитер.

– Ничего, потому что и кармана нет, – и теперь я смотрю на него лукаво.

– Ладно, идите, – как будто разочарованно бурчит он.

Следую дальше через турникет мимо стеклянной будки, где девушка в пограничной форме еще раз смотрит мой загранпаспорт, просунутый к ней через узкую щель, ставит штамп и улыбается (луч света в темном царстве):

– Счастливого пути.

Затем нас, всего человек пятнадцать, ведет за собой пограничник. С бетонного козырька террасы морвокзала по несуразному сооружению (этакий передвижной мост с опускающимся на конце трапом) сходим прямо внутрь очерченного лентой пространства возле судна.

«Как все строго, – тайно усмехаюсь я. – Это притом, что и доллары, и вещи давно на борту. А может, у Олега что-нибудь не так?»

– А меня даже не досматривали! – весело встречает меня приятель. – Я лежал тут с открытой дверью. Никто даже не заглянул.

«УГОЛОВНИК» ЖУПИКОВ

Пока ждали отхода, Олег рассказал мне, как полгода назад при таможенном досмотре «накрыли» Витьку Жупикова. Он не передал деньги на судно (то ли не успел, то ли на себя понадеялся) и перед тем, как проходить досмотр, спрятал пачку валюты (около сорока тысяч долларов) в трусы. Таможенники что-то заподозрили (психологи как-никак) и попросили его раздеться.

– Он мог бы отказаться, – высказал суждение Олег, – сойти с рейса... Ну, потерял бы восемьсот долларов, уплаченных за путевку. А он растерялся. По неопытности, видимо. Хотя не знаю, как бы я сам поступил в такой ситуации. Ну и всё: арест, конфискация всех денег, – Олег потянулся на кровати. – Три месяца Витек сидел в тюрьме. Сначала с уголовниками. Те его утюгом прижигали – пытали, есть ли еще деньги. А у него в носках сто или двести долларов было спрятано, так он их на тюремщиков истратил, добился, что его в другую камеру перевели. А мама Жупикова тем временем нашла адвоката, и тот за половину конфискованной суммы взялся за это дело, и – представь себе! – выиграл. Витька выпустили и деньги вернули. Правда, он до сих пор еще не со всеми кредиторами рассчитался.

Олег рассказывал это, словно забавный анекдот. Мне же становилось не по себе, когда я представлял себя на месте Жупикова.

– Сразу после ареста, – продолжал вспоминать Олег, – завалила в жупиковскую квартиру комиссия – имущество описывать. А там его и мой товар. Я говорю: все здесь мое. «А холодильник?» А там «Голдстар» стоял в огромной коробке, и на коробке надпись – «Жупиков». Не отвертись. Они описали, на другой день приехали забирать. А за это время Макс Румянов припер старый «Чинар», который уже лет пять не работал, и засунул вместо «Голдстара». Те и увезли. В пользу государства! – с восторгом закончил Олег.

В эти минуты откуда-то сверху донесся шум, грохот железа, гудки, выкрики, легкая дрожь пробежала по полу. Каюта покачнулась, звякнул стакан в ячейке над столом. Отдаленный рык двигателей дополнился плеском и шуршанием воды по наружной стенке. Отчаливаем!

ОКЕАН

В мутном иллюминаторе плещутся волны, совсем рядом, так как каюта наша наполовину ниже уровня воды.

Но я уже наверху, на самой верхней (пеленгационной) палубе, на которой только мачта-пеленгатор и огромная дымящая труба.

Город, раскинувшийся по гористому берегу, тает в голубовато-белесой дымке. А впереди – лишь небо и вода. Ветер бьет меня по лицу, раздувает на мне куртку.

А ведь это было всегда: океан, волны, ветер и человек, которого гонит вперед добыча. Добыча гнала Магеллана и Колумба открывать новые земли и новые морские пути, ради нее страдали от голода и болезней, убивали и грабили туземцев, гибли сами. Добыча гонит и наш «научный» корабль в некий, мало кому прежде в России известный город Пусан в Юго-Восточной Азии. И вокруг этой же добычи идет неприметная, на первый взгляд, борьба, в которой участвуют и таможенники, и бандиты, и моряки, и покупатели-оптовики вроде вьетнамца Миши, и, казалось бы, далекие от этого адвокаты...

Но как я очутился в этой гуще, в этой борьбе? Что гонит меня? Добыча? Только ли она? Да, я сейчас без работы, и надо как-то кормить семью. Но разве для этого непременно следовало отправляться на край континента? Я мог бы, наверное, эти три-четыре месяца поработать грузчиком или вырыть еще несколько колодцев. Интерес? Желание побывать в экзотической стране? Нет, это слишком слабый стимул, чтобы толкнуть меня на столь рискованный шаг. Так что же? Может быть, то, что заключается в словах Олега – «в моральном плане»? Самолюбие? Не просто заработать на жизнь, а заработать сложным и рискованным путем, испытать себя, пройти через опасности, доказать себе, что я могу... Вероятно, и это тоже гнало в путь морские экспедиции, открывателей земель, завоевателей, а не одна лишь жажда наживы. А может, ради того только, чтобы стоять вот так на борту качающегося судна и глядеть в простор океана, глотать упругий вольный ветер, готовы были они рисковать жизнью?..

Впереди – распахнутое пространство. Оттуда рядами идут волны, серые с синевой, непрерывно, туго дует ветер, треплет выцветший, прокопченный, похожий на тряпку флаг на мачте. Держась за железную трубу ограждения, я усиленно принохиваюсь, ожидая услышать воспетый в тысячах стихов и рассказов запах моря. Но ощущаю лишь необыкновенную свежесть – упругий, врывающийся в ноздри ноток воздуха, лишенный всяких запахов, почти стерильный, если не считать редко доносимых выхлопов из трубы. Но скоро и этот слабый запах теряется в мощном чистом дыхании океана.

Лишь только сейчас я осознаю, что до этого момента я не верил, что это произойдет. И вот оно свершилось, и я плыву. Я уже начал зарабатывать. За первый рейс Олег обещал заплатить мне, в случае успеха, пятьсот долларов, за второй – тысячу, а дальше – как сумею вернуться. Итак, полторы тысячи за два рейса минус расходы на авиабилет сюда и обратно (четыреста долларов), итого – тысяча сто долларов на руки. Тысяча сто долларов – это двадцать две моих месячных зарплаты!

«Турбидит» спокойно, неторопливо рассекает волны, пытит дымом. Работают двигатели, работает команда, стоит на мостике капитан. В каютах пассажиры, наверное, как и я, прикидывают возможную прибыль.

Ветер заметно крепчает, зато прочищается видимость, появляется справа над горизонтом холодноватое солнце, и море в той стороне делается словно отлитым из олова. Две фигуры, стоящие на палубе ниже, исчезают – ныряют в теплое нутро теплохода.

Волны вздымаются уже до уровня нижней палубы. Со звуком взорвавшейся бомбы, ударившись о борт, волна, словно опрокинувшись на спину, отваливает, сбивая другие

волны. В головах у нее кипит и клубится пена. Грохот и шипение, клочкотание и плеск сливаются в сплошную чудовищную какофонию. Теплоход уже не просто качает – его швыряет с боку на бок, нос и корма поочередно то взмывают вверх, то рушатся вниз. Палуба то проваливается под ногами, то напирает снизу, то кренится так, будто стремится стряхнуть меня в пучину.

Когда-то давно, в детских фантазиях, мне представлялось, что если судно, на котором я буду плыть, потерпит крушение, то уж я-то никак не утону. Я буду плыть, плыть и в конце концов приплыву же к какому-нибудь берегу. Сейчас, глядя вниз, где в провалах между волнами чернеет сама бездна, или вдаль, в пустынное, простирающееся за горизонт колышущееся пространство, я ощутил себя песчинкой, которую, очутись она за бортом, мгновенно поглотит любая из этих волн.

Я стою, потрясенный, оглушенный, позабыв обо всем – о заработке, о том, зачем я здесь и куда плыву. Чувствуя, как дрожит и сотрясается под ударами стихии железный корпус судна, не видя вокруг ничего, кроме неба и кипящего океана, я сознаю, что не только я – песчинка, но и «Турбидит» наш – микроб, затерявшийся в космическом хаосе.

Продрогший, с мокрым лицом и горько-соленым привкусом во рту (одна из волн дотянулась-таки до меня своей рассыпавшейся на брызги верхушкой), я вернулся в душную каюту. Там преспокойно сидел у столика Олег и что-то подсчитывал на калькуляторе.

– Если возьмем костюмы по девять и два и доллар за эти дни не подскочит, то прибыль по ним составит двадцать восемь процентов, – бормотал он как бы про себя. – Минус процент за кредит – остается восемнадцать, минус...

– Олег, какое у «Турбидита» водоизмещение? – спросил я, держась за край стола, чтобы не упасть.

– Хрен его знает. Я думаю, где-то две с половиной – три тысячи тонн.

Все-таки не такое уж маленькое судно, успокоил я себя. Наверное, такой шторм для него не особенно страшен...

– А сколько баллов шторм? – снова обратился я к приятелю.

– Какой это шторм? – мельком глянул в иллюминатор Олег. – Так, легкая болтанка. Балла четыре, не больше. Хотя меня и при такой укачивает.

ОКОРОЧКА

Почему-то еще до выхода в море я полагал, что меня укачивать не будет. Олег признавался, что его укачивает постоянно. Но есть же люди, которым плевать на качку, думал я. По крайней мере, я ни в автобусах, ни в самолетах никогда не испытывал каких-либо неприятных ощущений.

...Сперва мне захотелось лечь. Не просто захотелось, а все закричало внутри: лечь, лечь, лечь немедленно! Однако облегчения не последовало. Теперь все внутренности переваливались с боку на бок, перемешивались, точно волны у борта судна. Усугублялось это тем, что час назад я соблазнился и проглотил за обедом жирную куриную ногу (это были так называемые американские куриные окорочка), несомненно, напигованную при жизни всяческими стимуляторами роста, антибиотиками и прочей химией. Теперь эта ножка изводила меня. Судорожные и мучительные избавления от нее в галюне мало что изменили. Казалось, я весь пропитался куриным жиром и запахом и сам превратился в окорочок. Лишь после неоднократных выходов на воздух, где я стоял, бессильно уронив голову, на раскачивающейся палубе, после сауны, куда меня, несмотря на сопротивление, затащил Олег, я постепенно пошел на поправку. Но за те несколько часов я возненавидел все окорочка на свете, и в первую очередь американские.

Правда, пока штормило, и другая пища казалась невкусной, даже чай пить я не мог, поскольку вода, как мне чудилось, отдавала чем-то похожим на керосин.

Все три дня пути море волновалось. Олег большей частью лежал и читал книжки, а третий наш сосед вовсе не слезил со своей полки, тяжело дыша и постанывая надо мной. Кстати, кровати были с бортиками, точно люльки, дабы не выпасть из них во время «болтанки».

И все эти дни на камбузе готовили окорочка. Наверное, здесь собрались большие любители окорочков, решил я и поделился своим предположением с Олегом.

– Во всех рейсах ими кормят, – заверил он меня. – Просто их готовить легко: кинул на сковороду – и все дела.

Однажды я был свидетелем, как за борт, в океан, вываливали целое ведро несъеденных куриных окорочков. А следом за ними вылили полкотла борща. Над расплывшимся на поверхности волн лилово-розовым пятном тотчас слетелись чайки.

И мои несъеденные окорочка также пошли на корм морским обитателям, подумал я. Отведают – не обрадуются.

– Шторм, никто не ест! – прокричал мне на ухо оказавшийся рядом молодой парнишка со слезящимися от ветра глазами. – А все это за наши денежки: и продукты, и горячее, и зарплата команде. Все за наш счет!

ПАССАЖИРЫ

Однажды в начале ночи, стоя на корме, я наблюдал, как прямо у моих ног с плещущим шумом бурлит, клубится темная упругая вода и в ней беспрерывно мелькают яркие искорки планктона. Море не было абсолютно темными. Словно подсвечиваемое изнутри, оно мерцало то изумрудными, то индигово-синими тонами. И воздух был совсем не такой, как днем, – влажный, мягкий и теперь уже с отчетливым запахом йода.

Потрогав пальцами провисший металлический тросик, отделяющий кормовую палубу от несущейся прочь воды, я вспомнил рассказ Олега о том, как в одном из рейсов на судне оказалась целая банда уголовников, которые тоже следовали в Пусан (видимо, прокручивать свои темные капиталы). Один из пассажиров возмутился, что те ходят в сауну с «бабами». И с этого момента он весь рейс прятался, а бандиты искали его по всему теплоходу, чтобы выкинуть за борт. Теперь же мне представилось, что если бы сейчас кто-нибудь вздумал разделаться со мной, то лучшего варианта не придумать, как столкнуть меня за борт в эту темную, бугрящуюся, словно мускулистую воду. И никто ничего не заметит. И крик мой не будет услышан в этом шуме воды и ритмичном рокоте моторов. Нынче я вдвоем с Олегом, а потом буду один, и тогда кое-кому может прийти в голову мысль завладеть таким образом моим грузом.

После этого, приглядываясь к другим пассажирам, я пытался угадать, кого из них следовало бы опасаться.

Обычно пассажиры собирались в кают-компания в часы приема пищи, о чем объявлялось заранее по судовой радиосвязи. Кают-компания была самым обширным помещением на судне, не считая трюмов. В два ряда там стояли продолговатые столы, накрытые чистыми скатертями. Врывающийся в приоткрытый иллюминатор свежий морской воздух разгонял запах жареного.

В отличие от моряков, всегда активно работающих челюстями, пассажиры ели не торопясь, переговариваясь между собой. Некоторые приносили с собой выпивку. Среди такой компании очутился я однажды (Олег быстро съел свой суп и ушел).

Добродушного вида парень с пухлыми щеками и усами, какие носили в старину помещики, разливал из литровой бутылки «Смирновскую».

Еще двое парней с утомленными лицами потянулись к стаканам.

– Валера... – с укоризной (мол, много налил) молвила находящаяся среди них рослая, мужского сложения девица с неестественно белым лицом и белыми с желтизной волосами. Усаживаясь, она скользнула по мне взглядом и впредь уже не замечала меня.

Валера, завершив круг, с бутылкой на изготовке развернулся всем корпусом ко мне.

– Аллочка! – окликнул он буфетчицу, – Пожалуйста, еще стаканчик!

Я не хотел показаться букой и принял угощение.

– За общий успех! – произнес я дружески.

Валера охотно кивнул и опрокинул в рот свою порцию. Девица обратила на мои слова не больше внимания, чем на меня самого. Сидящий же у самого ее бока темноволосый красавчик с самоуверенным лицом и шрамом на лбу, которого дружки именовали Симуном, не глядя на меня, проговорил:

– Общего успеха не бывает. Это как на качелях: если один вверх, то другой вниз.

Дальше все занялись едой, и знакомство не продвинулось.

Зато мгновенно установились у меня легкие приятельские отношения с голубоглазым парнишкой Толиком – тем самым, с которым мы наблюдали, как вываливают за борт окорочка. Впрочем, он и с другими находился в столь же легких доверительных отношениях.

– В первый раз? – спросил он меня скороговоркой. – Ничего, быстро привыкнешь. Дело такое, затягивает. Я уже третий рейс себе в убыток хожу, а все не остановиться.

Выделялся среди прочих и небольшого роста лысоватый мужичок с маленькими серыми холодными глазками. Он был старше всех, и многие с ним уважительно здоровались, называя его Сашок.

Но таких, кто бы явно смахивал на бандита, я не заметил. Да это все такие же коммерсанты, как и Олег, решил я наконец, более или менее доброжелательные, в общем, обычные люди.

ПУСАН

На четвертый день подошли к Пусану. Нас встретило яркое утреннее солнце и пронзительная синева. Мелкие волны искрились, слепя глаза. Впереди, в легкой дымке, застыли лесистые горы. А от их подножий, как будто из самого моря, подымался до половины склонов город. Издали он воспринимался как сплошное многоярусное сооружение с отдельными белыми и черными столбиками высотных зданий. «Турбидит» сбавил обороты и плавно вплыл в бухту. К нам на борт с маленького сторожевого катера уже подсел кореец лоцман.

Горы словно расступились, и вот уже слева и справа – город, а впереди – целая флотилия судов, образующих как бы нижний ярус города. Из-за множества труб и мачт едва проглядывают темно-синие корпуса портowych складов.

Пассажиры «Турбидита» при подходе к Пусану не высыпали из кают на палубу, не было слышно восклицаний, никто не щелкал затворами фотоаппаратов, кроме разве что меня. Правда, один парень все же выбрался наружу с таким будничным выражением, точно он вышел на балкон своей квартиры. Он помял ладонью заспанное лицо и озабоченно пробормотал:

– Интересно, какой причал дадут? Лучше бы первый, Иль-буду. Оттуда ближе к Техасу.

Столь малое любопытство объяснялось тем, что большинство (очевидно, все, кроме меня) бывали тут не раз и не раз уже видели эти берега. Для Олега, например, это был десятый рейс. И потом, для этих людей, прибывших сюда под видом туристов, это была очередная рабочая поездка, сопряженная с тяжелым трудом и риском, а отнюдь не увеселительная прогулка.

Все они в эти минуты находились в кают-компании, откуда долетали через приоткрытые иллюминаторы возбужденные голоса и гневные выкрики. Как я понял, зайдя туда, шел дележ помещений под груз. Я уже знал, что каждому клиенту для этой цели турфирма предоставляет бесплатно семь кубических метров пространства внутри теплохода. А все, что сверх нормы, нужно оплачивать капитану по пятнадцать долларов за куб.

Из-за того, что никто не соглашался на трюм, куда трудно загружать товар и откуда еще сложнее извлекать его, возникла перебранка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.